

В.П. СТЕПАНЕНКО

ОБРАЗ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ-ВСАДНИКА В ВИЗАНТИЙСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ СФРАГИСТИКЕ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Констатируя широкое распространение культа св. Георгия на Руси, исследователи ее истории и культуры отмечали особую популярность лишь одного иконографического типа образа святого — змееборца, традиционно изображаемого верхом на коне, попирающем копытами змия, пронзаемого копьем святого¹. Он предельно широко представлен в древнерусской иконописи, скульптуре, мелкой пластике, шитье преимущественно XIV–XVII вв.² В искусстве домонгольского периода он менее известен. В то же время следует отметить, что и в Византии, откуда был заимствован данный тип изображений святого, он довольно редок³, как, впрочем, и образ св. всадника-триумфатора при огромном количестве изображений стоящих св. воинов.

Наиболее ранние и единичные изображения святых воинов-всадников встречаются и в византийской сфрагистике уже в V–VII вв.⁴ Но общеимперское значение культа святых воинов приобрели к середине X в. вследствие как феодализации империи, так и начала нового этапа внешнеполитической экспансии на востоке и западе⁵. По Льву Диакону, во время битвы с русскими на территории Болгарии на стороне греков сражался всадник на белом коне, признанный Феодором Стратилатом⁶, а после победы над Святославом при Доростоле Иоанн Цимисхий принес благодарственную молитву св. Георгию⁷. Естественно, что иконография изображений конных святых воинов-триумфаторов ориентировалась на традиционный, имевший многовековую историю римский императорский триумфальный цикл, с одним уточнением: цикл позднеантичный, когда в сцене триумфа император выступал верхом на коне в одеянии полководца — в тунике, кирасе, плаще и с оружием в руках⁸.

В этой связи показательны уникальные изображения известных византийских полководцев середины X в. магистра Млеха-Мелиаса и Иоанна Цимисхия в сцене триумфа императора Никифора Фоки в росписи пещерной церкви “Большой голубятни” в Чавушин в Каппадокии. Если бы не надписи над головами всадников, их можно было принять за св. воинов⁹.

Образы последних широко представлены в византийском искусстве. Преимущественно это изображения фронтально стоящих святых воинов в полном вооружении и значительно реже встречающиеся образы св. всадников¹⁰. Исследуя иконографию св. Георгия, В.Н.Ла-

зарев отметил редкость как данного типа, так и в рамках его — образа конного воина триумфатора как на Руси, так и в Византии, приводя в качестве примеров стеатиты со св. Георгием во Флоренции (Барджелло) (рис. 1) и Анжере, и с Дмитрием Солунским в Москве (ГОП), фреску церкви св. Георгия в Старой Ладого 1167 г. (рис. 2)¹¹.

Можно дополнить этот список образами конных святых на Пала д'Оро из Каорле, выполненной в Венеции византийскими мастерами во второй трети XIII в.¹², на камнях XIII–XIV вв., как, например, на камее со святым всадником из собрания Мюнцкабинета Мюнхена¹³. Вариантами этого образа являются изображения св. Георгия на дне византийской чаши начала XIII в.(?) из Березова в ГЭ (рис. 5)¹⁴ и св. Дмитрия на серебряной иконе того же времени из собрания Берлинского музея (рис. 4)¹⁵.

Действительно, при довольно значительном количестве изображений святых воинов змеборцев (св. Георгий, Феодор Стратилат)¹⁶ или победителей язычников (Дмитрий Солунский) в монументальной живописи, иконописи, скульптуре и прикладном искусстве, образы конных святых встречаются в Византии крайне редко, например, во фресковой живописи пещерных церквей Каппадокии — св. Феодор и св. Георгий в церкви св. Варвары конца XI в., св. Феодор в Джуланли килисе XI в.¹⁷, а также св. Георгий в нартексе церкви Богоматери Форбиотиссы в Асину на Кипре конца XII в.¹⁸, на фресках Крита палеологовского времени¹⁹.

В этой связи закономерно наблюдение В.С. Шандровской о редкости образов конных святых воинов и в византийской сигиллографии в целом и образа св. Георгия — в частности²⁰, на фоне огромного количества весьма различных по иконографии изображений святых воинов на печатях X–XIII вв.

До сих пор печати с конными святыми в византийской сфрагистике представлены

Рис. 1

единичными экземплярами. Это моливдовул спафарокандидата и турмарха Георгия с конным святым (Георгием ?) X — XI вв.²¹, протоспафария и клисуарха Татикия конца X — первой трети XI вв. (Георгий змееборец)²², некоего Иоанна Иисуса XII в. (Георгий)²³, севастократора Алексея Ангела (1185-1195), будущего императора (Георгий)²⁴, севаста Константина Дуки XII в. (Георгий)²⁵, неизвестного (Георгий) XII в.²⁶, неизвестного протоспафария *ἐπί του Χριστοῦ τῆς ἐκκλησίας* (Феодор змееборец?) XII в.(?)²⁷, севаста Иоанна Стейрионеса-Стирионе конца XII в. (Феодор)²⁸. Возможно, в будущем количество их увеличится, но вряд ли значительно.

Немногочисленны образы святых всадников и в искусстве Древней Руси. Наиболее ранними примерами являются известные шиферные плиты из Киева, явно воспроизводящие византийские оригиналы и датируемые ок.1062 г.²⁹, староладожская фреска 1167 г. и барельефы Дмитриевского собора во Владимире 1194–1197 гг.³⁰ Для XIV в. образ св. Георгия-триумфатора известен преимущественно по **новгородским памятникам** — на тождественных серебряных иконках начала века³¹, на оборотной стороне шиферной иконки того же времени из раскопок

Рис. 2

Новгорода (рис.3)³², а также на среднике известной новгородской житийной иконы св. Георгия начала XIV в.³³

В древнерусской сфрагистике домонгольского периода образ святого всадника также предельно редок и известен по сравнительно небольшому количеству печатей. Так, из учтенных В.Л. Яниным 105 типов печатей с изображениями двух святых, известных в 405 экземплярах, Георгий представлен на 14, Феодор — на 50, Димитрий Солунский — на 22, Давид — на 3, Никита, Прокопий и Меркурий — по 1. На 25 печатях изображения святых воинов не определены.

При этом образ конного святого представлен лишь на 10 печатях(203–206, 212,

232, 243, 274)³⁴. На первой, приписанной Мстиславу Мстиславичу (1210–1218), изображен конный св. Феодор Тирон (203–206), на печати, приписанной Всеволоду Юрьевичу (1222–1224) — конный св. Георгий (212), а на анонимных печатах начала XIII в. (232, 243, 274) — вновь св. Феодор и неопределенные святые. Показательно, что конный св. Георгий безусловно представлен лишь на одной печати.

В целом можно констатировать, что на фоне популярности культа св. Георгия на Руси XI — начала XIII в., подтверждаемой значительным количеством свидетельств, образ его как патронального святого в древнерусской княжеской сфрагистике редок, а изображение конного святого является редчайшим. Учитывая патрональный характер изображений на печатах и сравнительную редкость имени Георгий среди Рюриковичей, начиная с Ярослава-Георгия, на печати которого святой изображен как мученик с крестом в руке, именно этим и можно объяснить и редкость образа св. Георгия в древнерусской сфрагистике домонгольского периода.

Таким образом, здесь наблюдаются те же тенденции, что и в византийской сфрагистике, хотя в последней связь между христианским именем владельца печати и изображением на ней была не столь уж безусловной. К тому же круг лиц, пользовавшихся как частными, так и официальными печатами, в Византии был несравненно более широким, нежели на Руси, учитывая, что империя располагала огромным государственным аппаратом и армией, статус функционеров которых и фиксировали печати.

Как и в Византии, на Руси известно несколько вариантов образа святого воина. По большей части, это — стоящий воин в полном вооружении, изображаемый в рост, по пояс, погрудно. И змееборец, поражающий копьём змия, и триумфатор после свершения подвига. В последнем случае за спиной всадника развевается плащ, в его правой руке копьё,

Рис. 3

конь копытами попирает поверженного змия (Асину), или шагает церемониальным аллюром, высоко поднимая передние ноги (фрески Каппадокии, стеатиты), скачет во весь опор (чаша из Березово, икона из Берлина).

Отметим, что не все известные иконографические типы образа конного Георгия точно следуют тексту “Чуда святого великомученика Георгия о змие”³⁵, согласно которому, сначала “с божьей помощью и по молитве мученика змий

Рис. 4

упал к ногам святого Георгия”, после чего он был связан поводьями коня святого и поясом царской дочери и проведен в триумфе перед жителями Ласия (фреска Старой Ладogi). И только после этого, продемонстрировав язычникам силу Господа, святой пронзил змия мечом, а не копьем. То есть триумф предшествовал убийству змия и был не столько триумфом святого, сколько демонстрацией силы Божьей. Собственная роль Георгия здесь умалена. И лишь убийство змия является подвигом святого, хотя, по тексту “Чуда”, змий оставался связанным.

Все эти тонкости довольно быстро были забыты, и в позднейшей иконографии наибольшую популярность приобрел образ Георгия — победителя змия. Предшествующий ему эпизод со связанным змием встречается крайне редко (Старая Ладога, клеймо житийной иконы святого из монастыря св. Екатерины на Синае³⁶, средник новгородской житийной иконы XIV в.³⁷

Столь же редок и тип святого-триумфатора после убийства дракона. Здесь, вопреки тексту “Чудес”, объединены оба эпизода, логично поменявшиеся местами (триумф после победы, а не до нее), а триумф приписан самому Георгию. Наиболее яркий пример — фреска Асину. Здесь святой изображен с вертикально поднятым копьем уже после убийства змия, распростертого под копытами триумфально шествующего коня³⁸. Возможен и более строгий вариант изображения без поверженного змия (византийские печати, стеатиты со св. Георгием и Димитрием, св. Георгий на Пала д’ Оро из Каорле)³⁹.

Наконец, существует еще один, очень редкий вариант образа святого воина в целом и Георгия — в частности. Это всадник на скачущем галопом коне, с фронтально развернутым торсом, с поводьями в правой руке, то есть без оружия, копья или меча и без змия под копытами коня. Он известен по крайне незначительному количеству памятников искусства (икона св. Димитрия из Берлина и, до некоторой степени, Феодор Стратилат на западном фасаде Дмитриевского собора). В древнерусской сфрагистике наиболее близкими византийским прототипам образа святого воина-триумфатора являются изображения на анонимных печатях начала XIII в. (232 и 274 по каталогу В.Л.Янина). Довольно близок к ним и конный Феодор Тирон на печатях Мстислава Мстиславича (особенно 204 и 205). В первом случае святой изображен с копьем, завершающимся двуххвостым значком, во втором — с развевающимся за спиной плащом⁴⁰. На остальных печатях аллюр коня существенно иной (243).

Лишь святой всадник на оборотной стороне известной в 3 экземплярах печати, приписанной Всеволоду Большое Гнездо, его сыну Юрию Всеволодовичу или его внуку Всеволоду Юрьевичу (212), то есть датированной между 1169–1238 гг., но ближе к последней дате⁴¹ (рис.6), уверенно идентифицируется с Георгием, хотя надпись здесь довольно редкоцирована и искажена, а иконография изображения традиционна для всех святых воинов-всадников.

Первый экземпляр печати был найден в Новгороде и с коллекцией Н.П. Лихачева хранится в Эрмитаже⁴², второй был найден при раскопках Биляра и издан В.Л. Яниным⁴³, наконец, третий, найденный при раскопках в Суздале, недавно издан М.А. Седовой⁴⁴. В.Л. Янин отметил, что надписи на печати даны в зеркальном изображении. М.А. Седова полагает, что имя святого передано здесь как “Егорий”.

Воин изображен верхом на скачущем коне, держащим в правой руке поводья, с разворотом плеч параллельно плоскости фона и прямолинейной постановкой головы. То есть, иконографически данный образ является вариантом хорошо известного образа воина-триумфатора (статиты из Барджелло, Анжера, Московского Кремля). Но в руках всадника нет оружия и аллюр коня не характерен для традиционной композиции. Ни на одном из трех экземпляров не отмечено наличие змия под копытами коня. Связать данный вариант с каким-либо эпизодом “Чуда” затруднительно. К тому же в Византии данный тип изображения использовался для воплощения образов и Георгия, и Димитрия Солунского, будучи более обобщенным и тематически не связанным с текстом “Чуда”. Если бы не надписи, то иконографически различить Георгия и Димитрия было бы вряд ли возможно.

Предложенные М.А. Седовой атрибуции печати Всеволоду III, как кажется, предопределила и приведенные ею аналогии — фреску Георг-

гиевской церкви в Старой Ладогe и барельефы святых всадников Дмитриевского собора во Владимире. Возможно, критерием для отбора этих памятников явилась именно их хронологическая близость времени правления Всеволода III.

Но иконографически они отличаются друг от друга как позой и посадкой всадника, так и аллюром коня. Если на ладожской фреске, в соответствии с текстом “Чуда” Георгий показан как триумфатор до свершения подвига (змей повержен и покорно ползет вслед за идущей впереди принцессой, ведущей его на привязи), то всадники Дмитриевского собора несутся вскачь и ни один из них не похож на Георгия с печати. У некоторых оружие в руках, или одна из рук поднята к лицу. Ближе к Георгию лишь, как отмечалось выше, изображение Феодора Стратилата, но очевидно, что и оно уже много дальше от византийского прототипа и трактует его предельно свободно.

Параллели святым воинам Дмитриевского собора можно найти в искусстве Балкан и Закавказья⁴⁵. В основе всех их лежит византийский прототип, известный по таким памятникам, как чаша из Березово.

Конный Георгий с печати Всеволода Юрьевича(?) ближе к византийским прототипам, в частности, к св. Димитрию на иконе из Берлина XIII в., нежели к современными ему русским памятникам. В то же время и изображение на лицевой (?) стороне печати св. Димитрия воина в рост, вынимающего меч из ножен, явно восходит к чтимому солунскому образу⁴⁶.

Вследствие этого можно предположить, что в основе изображения св. Георгия печати лежит хороший византийский оригинал, изображающий святого воина-всадника, не обязательно Георгия, причем, возможно, солунского происхождения и вряд ли сфрагистический, против чего свидетельствует высокий рельеф изображения, быть может, стеатит или бронза, подобная найденной в Болгарии круглой бронзовой матрице иконки (?)⁴⁷. Матрицы русской печати резал хороший мастер, вряд ли ранее имевший к этому отношение, принимая во внимание то, что он не учел, что надпись на печати даст зеркальное изображение.

Если печать принадлежит Всеволоду III, что возможно, но недоказуемо, то прямые византийские заимствования вполне объяснимы пребыванием князя в Константинополе и Фессалонике в 1177 г.⁴⁸ и его последующими контактами с Византией, время которых следует ограничить 70 — 80-ми гг. XII в., исходя из внутривосточной ситуации в империи после смерти Мануила Комнина⁴⁹. Если же печать принадлежит его сыну Юрию или внуку Всеволоду, что менее вероятно, то прототипом мог быть какой либо портативный византийский памятник, каких немало было на Руси в это время. Как бы то ни было, этот образ наиболее адекватно воспроизводит византийский прототип, нежели

Рис. 5

Рис. 6

немногие близкие ему по иконографии, но несколько более поздние по времени княжеские печати⁵⁰.

Подведем итоги. Образы святых воинов-всадников известны в византийской и древнерусской сфрагистике в почти тождественных иконографических типах. Это всадник с копьем в руках и развевающимся за спиной плащом, в том числе триумфатор, изображаемый сидящим на торжественно шагающем коне с копьем в руках, и вооруженный или безоружный всадник на коне, скачущем галопом. Образ св. Георгия известен как в этих двух вариантах, так и в редчайшем на сегодняшний день варианте драконоборца, по видимому, не слишком популярном в данный период ни в Византии (печать Татикия), ни на Руси⁵¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кирпичников А. Св. Георгий и Егорий Храбрый // ЖМНП. 1878. № 12; 1879. № 1–2; Рысленко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературе // Зап. Новороссийского ун-та. Одесса. 1909. Т. CXII; Веселовский А. Разыскания в области русских сюжетов. II. Св. Георгий в легенде, песне и обряде // Прил. к Т. XXXVII Зап. Имп. АН. 1880. № 3; Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия в византийском и древнерусском искусстве // Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. Сб. статей. М., 1970. Алпатов М. В. Образ Георгия воина в искусстве Византии и Древней Руси // Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства. М., 1967. Т. I. С. 154–169.

² См.: Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М., 1976. № 10, 27, 33; Живопись древнего Новгорода и его земель XII–XVII столетий.. Каталог выставки. Л., 1974. № 60, 108, 126, 144, 170, 171, 172; Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1–60. М., 1983. № 19, 71, 144, 170, 183, 184, 185, 210, 249, 258, 282, 315, 344; Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века. М., 1996. № 42, 43, 50, 53, 84 101. 108, 109, 138 ; Порфиридов Н. Г. Георгий в древнерусской каменной пластике // Сообщения ГРМ. 1964. Вып. VIII. С. 120–125.

³ Licchesi Pauli E. Georg // Lexicon der Christlichen Ikonographie. Bd. VI. 1973. Col. 365–373; Толстой И. И. Случай применения византийской сфрагистики к вопросу по русской нумизматике // Труды VII археологического съезда в Ярославле. 1887. М., 1891. Т. II. С. 73–81; Шандровская В. С. Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 70–89; Она же. Образ св. Георгия на византийских печатях // II Международный симпозиум по грузинскому искусству: Тез. Тбилиси. 1977. С. 1–11.

⁴ См.: Speck P. Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West). Bonn. 1986. P. 104. № 66, P. 116. № 76; Zacos G, Vegler A. Byzantine Lead Seals. V.1. Part . 2. Bern. 1972. P. 808; N. 1318 a. , P. 835. N. 1375 ; Шандровская В. С. Сфрагистика // Искусство Византии в собраниях СССР. М., 1977. Т. I. № 242.

⁵ В этой связи утверждение Э. С. Смирновой о распространении культа св. Димитрия Солунского как воина “особенно в комниновский период” (Смирнова Э. С. Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор. К 800-летию памятника. М., 1997. С. 232) применительно к Византии может быть распространено на X и, преимущественно, XI вв. Его образ широко представлен в византийской сфрагистике данного периода.

⁶ Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко. Статья М.Я. Сюзюмова. Комм. М.Я. Сюзюмова и С.А. Иванова. М., 1988. С. 80.

⁷ *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum/ Rec.I. Turn. Berolini — Novi Eboraci. 1973. P. 308.*

⁸ См. *Künzl E. Der gömische Triumph. München. 1988. М. В. Алпатов применительно к всаднику триумфатору писал о "внесении в образ святого воина черт придворного этикета". (Алпатов М.В. Образ Георгия воина...С.159)*

⁹ *Rodley L. The Pigeon House church, Cavusin// JÖB. 1983. Bd. 33. S. 300-311; Thierry H. Un portrait de Jean Tzimiskes en Cappadoce// ТМ. 1985. Т. 9. P. 477-484.*

¹⁰ *Шандровская В.С. Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике. С. 70 — 89 ; Kalavrezou-Maxainer I. Byzantine Icons in Steatite. Wien. 1985. В данном каталоге на 40 изображений святых воинов (№ 5-11, 15-16, 21, 22-29, 93, 99, 100, 105, 107, 124-125, 127-130, 139-140, 142, 144, А-9, А-12, А-13, А-14, А-52, А-56, А-62), конных только шесть (29, 124, 125, А-9, А-12, А-62), из которых 3 образа св. Георгия как змееборца (29, А-9, А-12) и 1 как триумфатора (125).*

¹¹ *Лазарев В.Н. Новый памятник станковой живописи... С. 79; Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX-XII вв. М., 1978. С. 97-98 ; Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. P.198-200; Алпатов М. В. Рельеф Дмитрия Солунского в Оружейной Палате. С. 52; Луцко В. Г. Раннепалеологовский статит с изображением Иоанна Предтечи // BS. 1989. Т.1. Fasc. 2. С. 209-210.*

¹² См.: *Omaggio a San Marco/Tesori dall'Europa. Milano. 1994. P.174-176.*

¹³ *Rom und Byzanz. Schatzkammerstücke aus bayerischen Sammlungen. München. 1998. № 79. S. 241-242; Wentzel H. Die Kamee mit dem hl. Georg im Schloss zu Windzor/ Festschrift Fr. Gerke. Baden Baden. 1962. S. 108-110.*

¹⁴ *Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975. С.80, илл.; Сокровища Приобья: Каталог выставки. СПб., 1996. С. 142. Хотя иконографически оно и отличается от собственно триумфальных сцен аллюром коня, изображенного в "летащем" галопе.*

¹⁵ *Kotzsch D. Der Welfenschatz im Berliner Kunstgewerbemuseum// Bilderheft der Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz. Heft 20 — 21. Berlin. 1973. S.65. № 2. Tabl. 3.*

¹⁶ Лики с изображением св. Феодора-змееборца известны и на Руси. См.: *Ross M. C. Catalogue of the Byzantine and early medieval antiquities in the Dumbarton Oaks collection. V.1. Washington. 1962. P. 89. № 106, 107); Никольская Т.Н. Редкая находка из Серенска // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 45-51; Клянин Р.В. Уникальная находка христианских предметов с древнерусского города Корниче // Церковная археология. 4 : Мат-лы церковно-археологической конф., посв. 150-летию Н. В. Покровского. СПб., 1998, С. 136-140, илл. ; Залеская В.Н. Лики XIII в. в собрании Государственного Эрмитажа// Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы XIII в. СПб., 1997. С. 154.*

¹⁷ См.: *de Jerphanion G. Les eglises rupestres en Cappadoce. Paris. 1934. Album 3. Pl. 189. III.2; Restle M. Die byzantinische Wandmalerei in Kleinasien. Bd. II. Recklinghausen. 1967. XXIII. Pl. 246-247.*

¹⁸ *Wharton A.J. Art of Empire. Painting and Architecture of the Byzantine Periphery. A Comparative Study of Four Provinces. The Pennsylvania State University Press. 1988. P.76. III. 3.16.*

¹⁹ *Bissinger M. Kreta. Byzantinische Wandmalerei. München. 1995. № 21. Abb. 33 (Георгий-драконоборец), № 113. Abb. 115 (Георгий драконоборец), № 126. Abb. 125 (Георгий-драконоборец), №157. Abb. 150 (Георгий и Феодор как всадники).*

²⁰ *Шандровская В. С. Образ св. Георгия на византийских печатях. С. 7; Она же. Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике. С. 70-89.*

²¹ Catalogue of the Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and the Fogg Museum of Art. Ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. V.2 : South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor. Washington. 1991. P. 19. № 7.1.

²² *Seibt W., Zarnitz M.* Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Katalog. Wien. 1997. S. 143 № 3.3.7

²³ *Maksimovic L., Popovic M.* Les sceaux byzantins de la region Danubienne// SBS. 3. 1993. P. 122 № 8

²⁴ *Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead Seals. T. 1. Part. 3. P. 1555–1557. № 2745 a,b.

²⁵ Известны три экземпляра из собраний Г. Закоса, Софин и Афин. Первый ныне издан в аукционном каталоге распродажи остатков собрания Г. Закоса. См.: Byzantine seals from the collection of G.Zacos. Part 1. L., 1998. № 79.

²⁶ См.: *Nesbitt J.* Overstruck seals in the Dumbarton Oaks collection: reused or counterstamped?//SBS. 1990. V.2. P. 71–72. № 2.

²⁷ *Schlumberger G.* Sigilligraphie de l'empire byzantin. Paris. 1884. P. 502. Автор называет святого Георгием, предполагая наличие змея под ногами коня. Печать в составе коллекции Н. П.Лихачева хранится в Эрмитаже (№ 8759). По мнению В.С. Шандровской, это один из Феодоров — Тирон или Стратилат.

²⁸ *Οικονομίδης Ν.* Ο σεβαστός Ιωάννης Στελιουνης // Ανατολο αλο το αφιερωμα στη Μαντω Οικονομίδου. Αθηνα. 1996. R.209-214.

²⁹ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т.1: Древнерусское искусство. X — начало XV в. М., 1995. № 91. С.195–196. См. также : *Луцко В.* Киевские рельефы святых всадников // Старица. 1977. Т. XXVII. С.111.

³⁰ *Вагнер Г.К.* Скульптура Древней Руси: Владимир. Боголюбово. М., 1969. С.283. Илл.174. С.285. Илл. 175. С. 367. Илл. 239. С.393. Илл. 257. С.395. Илл. 259. С.411. Илл. 27–277. Сравнивая их с всадниками киевских плит, автор отмечает, что “образы эти, полные репрезентативности, совсем иные. Иным был и их смысл” (с. 248).

³¹ См.: *Соломина В. П.* О двух памятниках новгородской мелкой пластики//ПКНО. 1977. М., 1977. С. 202-205 ; Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода., №42-43.

³² См.: *Николаева Т.В.* Каменная иконка, найденная в Новгороде//ПКНО. 1974. М., 1975. С. 225, илл. При грубости работы явно новгородского ремесленника здесь характерны позы всадника и коня, атрибуты воина — копье с треххвостой хоругвью и плащ за спиной.

³³ *Лазарев В.Н.* Новгородская школа живописи. М., 1976. С.16. Илл.17.

³⁴ *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. Т.1. Печати X — начала XIII вв. М., 1970. С.98–102.

³⁵ Чудеса святого Георгия// Византийские легенды / Изд. подг. С.В.Полякова. М., 1994. С.206–207.

³⁶ *Constantinides E.S.* Une icone historice de saint Georges du XIIIe siecle au monastere de sainte Catherine du mont Sinai // Древнерусское искусство: Русь. Византия, Балканы XIII в. СПб., 1997. P.77–104. III.-P.89.

³⁷ *Смирнова Э.С.* Живопись Великого Новгорода... № 10.

³⁸ *Wharton A.J.* Art of Empire... P. 67. III. 3.16. См. также икону из д. Кукасово в Обонежье: *Смирнова Э.С.* Живопись Обонежья XIV–XVI вв. М., 1967. С.80. № 40. Клеймо житийной иконы из ц. Богоявления погоста Лядины, где, в соответствие с текстом “Чудес”, Георгий пронзает копьём связанного змия, которого ведет за собой царевна: *Косцова А.* Сюжеты древнерусских икон. СПб., 1992. С.203 Уже на русской почве, на иконах XV–XVI вв. появилась развернутая сцена убийства змия у стены города с изображением царевны в его вратах и ее родителей на городской стене. Это собственный триумф святого, т.к. ангел венчает его триумфальным венцом, в данном случае — золотой короной. См.: Древнерусская живопись. Новые от-

крытия. Из частных собраний. Каталог выставки. М., 1975. №35; Ростово-Суздальская живопись XII–XVI вв. М., 1970. С № 31, 37, 63, 112.

³⁹ *Omaggio a San Marco. Tesori dall' Europa*. № 60. P.176–III.

⁴⁰ В монументальной живописи Руси единственной аналогией данному образу является изображение св. Георгия на фреске церкви св. Георгия в Старой Ладоге, в прикладном искусстве — две новгородские серебряные новгородские иконки первой четверти XIV в., уже весьма далекие от византийских прототипов. См.: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. № 42, 43.

⁴¹ Янин В.Л. Актовые печати... Т.1. С.106; Т.3. М., 1998. №211.3–5. С.142. Первая дата — время вероятного возвращения Всеволода III из Византии, где он жил в Константинополе и, возможно, в Салониках.

⁴² Янин В.Л. Актовые печати...Т.1. С. 208. № 212. Наличие надписей не отмечено.

⁴³ Янин В.Л. Находка древнерусской печати в Биларе// Новое в археологии Поволжья. Казань. 1979(1980). С. 101–102.

⁴⁴ Седова М.В. Актовые печати князя Всеволода III // Дмитриевский собор... С.274.

⁴⁵ Св. Георгий и Феодор на фресках царского художника Тевдоре в церквях Верхней Сванетии 1096–1130 гг.: *Амиранавили Ш.А.* История грузинской монументальной живописи. Тбилиси. 1957. Т.1. С.134–137. Илл.125, 126; С.143. Илл.146, 147; С.149. Илл.158.

⁴⁶ См. Смирнова Э. С. Храмовая икона Дмитриевского собора. С.220–254.

⁴⁷ См.: *La Bulgarie Médiévale. Art et civilization. Catalogue*. Paris. 1980. № 231. Диам. 4х3 см., из д. Опока ок. Торговиште. Хранится в Археологическом музее Софии. Инв. № 231.

⁴⁸ См. : Новгородская I летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 468

⁴⁹ Поэтому иконографически изображения обеих сторон печати вероятнее всего восходят непосредственно к солунским прототипам, нежели к иконе Дмитриевского собора, хотя она и была выполнена византийским мастером.

⁵⁰ Попов Г.В. Декорация фасадов Дмитриевского собора и культура Владимирского княжества на рубеже XII–XIII вв.// Дмитриевский собор... С. 57. прим. 10. Автор отмечает, что храмовая икона Дмитриевского собора, изображающая св. Димитрия в рост, вынимающего меч из ножен, была привезена с другими святынями из Фессалоники в 1196/97 гг. Об этом сообщают древнерусские источники (ПСРЛ. 1962. Т. 1. С. 437; 1965. Т. 10. С. 30, 65). Дата эта вызывает известные сомнения с точки зрения истории Византии. Известно, что 24 августа 1185 г. Фессалоника была взята и разграблена сицилийскими норманнами. Лишь мирный договор 1187 г. относительно нормализовал обстановку, но ненадолго, так как началось восстание Асений, завершившееся отпадением Болгарии.

Наши благодарности за помощь в подборе литературы В. Зайбту (Вена), Н. Икономидису (Афины), И. Иорданову (Шумен), К. Соде (Йена), В.С. Шандровской (СПб.), В.Л. Янину и Е.А. Рыбиной (Москва).